

КАРАМАН

историй

Дженнифер
Коннелли:
Выход из
лабиринта

Олег
Газманов:
«Американцы
назвали меня
самым невезучим
артистом...»

Надя
Ручка:

Грустная история
«Блестящей»

Жанна Фриске
в проекте «Реинкарнация»

ПРОКЛЯТИЕ ТАБАЧНЫХ КОРОЛЕЙ

Нэнси Рэйнольдс, самая богатая женщина в Америке, холодно оглядела собравшихся и пригласила в дом. То был день скорби и примирения: раз в году многочисленное семейство Рэйнольдс собиралось вместе, чтобы попытаться хотя бы сделать вид, что никто ни на кого не обижен, что они, как и прежде, один большой и дружный клан.

Родители считали, что из Ричарда Рэйнольдса не выйдет толку. А он верил, что способен переплюнуть всех на земле

ной сыроварней, охотничьими угодами, флотилией яхт и прогулочных лодок, парой десятков джипов, винотекой, аэродромом, столовой на сто человек... И, разумеется, помещьем, достойным имени Рэйнольдсов. Он был женат четыре раза, оставил после себя шестерых сыновей (четверых от первого брака и двоих от второго) и умер в Швейцарии, в клинике, близ одной из своих многочисленных европейских вилл. Когда вскрыли завещание, разразился скандал: сыновьям Дик не оставил ничего. Наследницей несметных богатств стала его последняя жена, немка Анне-Мари Шмидт, с которой он прожил всего четыре года, и их общая дочь, родившаяся уже после смерти Дика.

Сыновьям Рэйнольдса-младшего не грозила голодная смерть: богатств империи хватило бы на жизнь и им, и их внукам — каждый из них владел миллионами. Но то, что отец лишил их наследства, оказалось неожиданностью, поразившей буквально всех, и даже сейчас, спустя одиннадцать лет после его смерти, все разговоры вертятся только вокруг этого.

Патрик, младший из шестерых сыновей Дика Рэйнольдса, мог бы и не приезжать — двое его старших братьев так и сделали. Тетка Нэнси, родная сестра Дика, всех их ненавидела, в этом он был уверен. Остальные родственники считали детей Дика бездарями — они не работали, не продолжали семейное дело,

Сыновьям Дика не грозила голодная смерть: богатств империи хватило бы на жизнь и им, и их внукам

И вот 6 августа 1975 года они снова съехались на свой остров, но атмосферу холода и недоверия, установившуюся в доме, не смог бы растопить никто. Патрик Рэйнольдс, молодой человек двадцати семи лет, рассматривал присутствовавших через прицел портативной кинокамеры: он был начинающим режиссером, но в данный момент камера оказалась для него скорее палочкой-выручалочкой — ему попросту было страшно отложить ее в сторону и заговорить с родственниками. В гигантской гостиной Рэйнольдсов он чувствовал себя не в своей тарелке: в конце концов, Патрик не был здесь тринадцать лет. Вряд ли он смог бы объяснить кому-нибудь из посторонних, отчего его так колотит, а между тем вся его жизнь связана с этим домом и его бывшим владельцем. Когда-то здесь было его королевство, а потом... потом ему пришлось его покинуть.

Не так давно тут, на частном острове Сапело близ Флориды, жил Ричард Джошуа Рэйнольдс-младший, известный всему миру как Дик Рэйнольдс — наследник гигантской империи Рэйнольдсов, империи «RJR», построенной на пирамидах проданных пачек «Camel», «Winston» и «Salem». Он был сказочно богат и на своем острове выстроил страну мечты — с лесами, садами, водопадами, парками, гостевыми домиками, собствен-

просто тратили свои миллионы, которые не кончались, да и не могли закончиться: сигаретный бизнес — очень прибыльное предприятие, ему не страшны ни войны, ни депрессии, он приносит только деньги, деньги, деньги... И вот с этими деньгами наследники не могли справиться да и в общем-то не хотели. Миллионер не способен жить как все, в этом Патрик убедился самодично. Он, как и братья, пытался делать вид, что деньги — это свобода, и больше ничего, смазка, необходимая, чтобы шестеренки жизни крутились быстрее, но ни черта не вышло. Ему не нужно было пробиваться, как его друзьям, он не нуждался в деньгах и именно поэтому в результате ничего не добился. Несколько проходных ролей в картинах Роберта Олтмана, сценарии, которые никто не покупал, и фильмы, от которых отказывались студии, дружба с Вуди Алленом и Робинот Уильямсом... «Очень интересно», — безразлично сказала тетка Нэнси, послушав про Олтмана, и направилась к другим гостям. «Бездари, бездельники, трутни, — думала она, шагая прочь от племянника. — И этот не лучше других...»

Патрику было скучно с родственниками; но он знал, что дом продается, имущество будет выставлено на торги и близких и дальних членов семьи собрали именно для этого — у них есть право первыми купить все, что заблагорассудится. Дом, который так и не стал для него родным, рушился, семейное гнездо

В городе Уинстоне на клочке земли размером с теннисный корт появилась табачная фабрика Дика Рэйнольдса

скоро растащит стая стервятников — и Патрик намеревался спасти то, что еще возможно.

Он нашел свою бывшую детскую — точнее, целую анфиладу комнат: со спальней няньки, отдельной кухней, игровыми залами... Над головой печально качались пыльные акробаты, из окна открывался роскошный вид на океан, на маленький папин аэродром и площадку, где когда-то гулял ручной гусь отца. Здесь Патрик провел четыре года — бродил с братом по бескрайним просторам острова в поисках сокровищ, изучал негритянское кладбище с загадочными надписями на могильных камнях, собирал грибы... Остров казался ему маленьким зачарованным королевством, где он — принц, а папа и мама — король и королева, и правили они с третьего этажа усадьбы, где был голубой бассейн, невероятных размеров спальня и солнечное патио. Отец был крепким, сильным, шумным мужчиной. Когда родился Патрик, ему уже перевалило за сорок, и сыновей он видел, увы, нечасто, так что младшенький каждый раз с нетерпением ждал, когда отец вернется из очередной поездки и что-нибудь ему привезет или хотя бы зайдет в детскую. Но когда Патрику исполнилось четыре, заплаканная мама объяснила, что отец нашел себе другую женщину и они теперь должны покинуть Сапело. Маленького принца изгнали из королевства, и с тех пор Сапело возвращался к нему только во снах.

После «изгнания» он побывал на острове всего несколько раз и знал, что со сводными братьями произошло то же самое: вместе с женами отец бросал и детей, всю жизнь потом они пытались завоевать его симпатию — но это никому не удалось. Дик был всем недоволен: не ценил их успехи, ему не нравилось,

Когда Патрику исполнилось четыре, мама объяснила ему, что отец нашел себе другую женщину

что сыновья активно ищут его общества — он подозревал, что дети просто хотят его денег. Но случилось, в нем вдруг просыпалась сентиментальность, и он приглашал их к себе, покупал мопеды, полароиды, Патрику подарил ручную кинокамеру. А потом снова выгонял детей, и те до конца жизни не могли с этим смириться.

Сапело по большей части оставался пустым, заброшенным. Дом разваливался на глазах, некому было подновить крышу, к тому же со времени последнего визита Патрика здесь появились путающие нововведения. К лестницам приделали полозья, а патио полностью застеклили — в конце жизни отец превратился в инвалида, алкоголь и вечное курение докончили старика: он передвигался на инвалидной коляске и постоянно держал при себе баллон с кислородом — страдал эмфиземой легких, врачи считали, что жить он может только в помещениях со специальными кондиционерами.

Патрик стоял на краю бассейна, в котором много лет никто не плавал, и представлял себе отца, сидящего в инвалидном

кресле и раз в пять минут прикладывающего к лицу кислородную маску. Снизу доносились голоса, и он будто слышал эти разговоры — там, внизу, копошился готовый сценарий, с загадочными смертями, предательствами, пропавшими миллионами, зарытыми в землю мешками золота, ненавидящими друг друга родственниками, бывшими женами... Из истории семьи Рэйнольдс можно было не сходя с места сделать забористый триллер, в котором был бы и фатум, и семейное проклятие, и неожиданный финал, но Патрик пока не был к этому готов. Он просто тихо ходил по комнатам и аккуратно помечал в блокноте все, что хотел бы забрать.

Кровать из спальни отца. И еще одну кровать из гостевой спальни, на которой когда-то спали президент Гувер с женой, а потом — чета Рузвельт. Отцовский письменный стол. Громадную фарфоровую вазу для цветов, которую он чуть не разбил в детстве. И наконец, портрет серьезного бородатого мужчины в сюртуке, висящий в курительной комнате над камином. Это Ричард Джошуа Рэйнольдс-старший, основатель табачной империи, дед Патрика, человек, в одиночку заработавший миллионы, которые раз и навсегда изменили жизнь его потомков. С него все началось, и Патрику не хотелось думать, что портрет деда достанется постороннему коллекционеру. В конце концов, судьба семьи Рэйнольдс сложилась бы совсем иначе, если бы однажды сын скромного вирджинского фермера не оказался на станции в захолустном городке Уинстоне...

...Осенью 1873 года решительный юноша в поношенном сюртуке спрыгнул с поезда на вокзале города Уинстона и огляделся вокруг. Убедившись, что его никто не видит, он достал

висевший на груди золотой медальон, поцеловал его и снова спрятал под рубаху. «Монета да поможет мне», — произнес он шепотом непонятные слова и, подхватив багаж, отправился на постоялый двор.

Уинстон был всеми забытой точкой на карте в сонном штате Северная Каролина, задворками соседнего городка Салем, где обосновались протестанты из секты «моравских братьев»: несколько улиц, один отельчик, один салун... Северная Каролина славилась своей сушеной черникой, больше ей похвастаться было нечем. А уж чем славился Уинстон — на этот вопрос не ответил бы никто.

По крайней мере до тех пор, пока в Уинстон не провели железную дорогу. Все изменилось буквально за год: население увеличилось вдвое, в городе открылись своя газета, своя тюрьма и мужская парикмахерская, «Храм моды» для дам, а главное — несколько фабрик по производству жевательного табака. И вот в один прекрасный день в Уинстон приехал решительный юноша по имени Ричард, который мечтал об открытии собственного дела.

Ему уже исполнилось двадцать три, и он чувствовал: его время пришло. Десять лет Ричард проработал на отцовской ферме — выращивал в горной долине пахучий вирджинский табак и продавал его потом в окрестных городках и деревнях. Он был не так умен, как старший брат, которого отец послал учиться в город, — у Ричарда с учебой не задалось: он мог читать только по одной букве зараз, и буквы никак не складывались в слова. Лет сто спустя он с облегчением узнал бы, что его болезнь называется «дислексия», но тогда парня просто счи-

Ричарду было неинтересно работать на отцовской табачной плантации — это унылое и тяжелое дело, не сулящее сюрпризов

Жена родила Ричарду Джошуа Рэйнольдсу, основателю табачной империи, двух сыновей — Ричарда («Дики») Джошуа-младшего и Смита — и двух дочерей, Нэнси и Мэри

тали туповатым. Правда, он любил математику и устный счет, и ему было не занимать смекалки — во время Гражданской войны удачно выменивал отцовский табак на соль и звериные шкурки, а потом перепродавал с хорошим наваром. Отец считал, что из Ричарда не будет проку, но сам он верил, что способен переплюнуть и старшего брата, и вообще всех на Земле.

В Уинстон он подался из-за железной дороги: покосив с урожаем табака на своем фургоне, он понял — табачную фабрику надо строить рядом с «железкой», так проще вывозить товар. Ему неинтересно было растить табак — это унылое и тяжелое дело, не сулящее сюрпризов: как ни крути, а природу не переплюнуть — земля не родит больше табака, чем может. А он хотел основать большое дело — так в Уинстоне, на клочке земли размером с теннисный корт, купленном у местной общины за 388 долларов, появилась крохотная табачная фабрика, носившая гордое имя Ричарда Джошуа Рэйнольдса.

В Европе табак курили, в Америке — жевали: прессованный табак со вкусом лакрицы покупали в десять раз охотнее, чем трубочный и тем более начинавшие входить в моду сигареты. С появлением железной дороги Уинстон облепили десятки частных фабрик, выпускавших жевательный табак, и пара дюжин сортов в этом потоке принадлежала Ричарду.

В городе считали, что молодому Рэйнольдсу везет — его табак не гнил, как у других, на фабрике не было пожаров

Он скупал бурый виргинский, белый каролинский, а иногда и пахучий турецкий у кряжистых фермеров и хитрых торговцев — он любил и умел торговаться, а затем устраивался с тридцатью своими работниками на втором этаже фабрики и распаковывал мешки. Бойкие негрятки обрывали черешки у листьев, табак очищали и пропаривали, варили в чанах с лакрицей и сахарным сиропом и затем раскладывали на крыше для просушки. Специальный человек внимательно следил за небом — если намечался дождь, все работники бежали спасать товар. Потом табак прессовали в плоские липкие листы или косички наподобие корабельных канатов, сбрызгивали для

Конкуренты Ричарда Рэйнольдса по его примеру вкладывали в пачки сигарет кроссворды и подарочные купоны

У Ричарда было одно тайное оружие, которое он всегда хранил в сейфе или на груди: монета Джошуа

вкуса дешевым ромом, упаковывали в фольгу и бумажные пакеты, шлепали на них этикетки с названием сорта и отправляли в ящиках напрямик на станцию. Оттуда «непревзойденный жевательный табак Рэйнольдса» начинал медленное, но верное движение по Северо-Американским Штатам.

Его табак был не лучше и не хуже, чем у конкурентов, но Ричард умел гениально его рекламировать и продавать. Он придумал рекламные автоматы в виде светящегося толстяка, который без устали хлопал себя по затылку за то, что не

купил табак Рэйнольдса, — и продажи подскочили. В каждую упаковку он вкладывал купоны, собрав которые, можно было получить набор чугунных сковородок, сервиз и даже хороший фургон с парой лошадей. Он без устали придумывал новые вкусовые добавки, тратил прибыль на технические новинки — конвейеры, паровые прессы, турбосушилки, — и вскоре фабрика расширилась до четырех этажей, а рядом появились два новых корпуса. В городе считали, что молодому Рэйнольдсу везет — его табак не гнил, как у других, а газовые горелки на фабрике ни разу не привели к пожару. Но Ричард знал — удачу ему приносит тайное оружие, которое он хранил в сейфе или на груди: монета Джошуа.

Откуда в семье взялся этот странный медальон — квадратный кусок золота с рубленным неприятным профилем на одной стороне и какими-то знаками на обратной, — никто толком не ведал. Ричард знал только, что раньше монета принадлежала его прадеду по материнской линии — рыжему детине по имени Джошуа Кокс, который бежал из Англии в 1750 году, после того как соблазнил любовницу короля. В Америке Кокс сражался с индейцами, попал в плен, был приговорен к сожжению за-

Менее чем за год «Camel» стали самыми популярными сигаретами в Америке. Ричард придумал для них гениальную рекламную кампанию

и тоже имел табачный бизнес, только в Бристоле, но его преследовали сплошные неудачи: фабрика сгорела, план по превращению Бристоля в новый Нью-Йорк умер, не родившись, и Абрам, поджав хвост, вернулся на ферму к отцу. А Ричард... Ричард стал в Уинстоне первым человеком.

В городе было известно, что он крепко пьет, не лезет в карман за острым словом, любит пари и петушиные бои, но к рабочим своим относится хорошо и нос не задирает. Все знали, что он не пропускает ни одной юбки, часто наведывается в квартал к черным проституткам, называет сорта табака в честь любовниц, и не однажды случалось, что работницы его фабрики рожали от него ребятишек — с пару дюжин маленьких мулатов в разных концах Уинстона знали, кто их отец, но держали язык за зубами. В Уинстоне об этом болтали, пожалуй, снисходительно — отцы города вели себя точно так же.

Уже через несколько лет он скупил большую часть фабрик в Уинстоне и чуть меньше в соседнем Салеме. Его главным врагом был гигант «American Tobacco Company» — соперничать с ним было не под силу, но Ричард заключил тайный контракт: «АТС» дает ему несколько миллионов на развитие, а «RJR», «Richard Joshua Reynolds Company», отчитывается об успехах, делится прибылью и обязуется не торговать сигаре-

Когда Рэйнольдсу сказали, что у него рак, он не почувствовал себя оглушенным. Ведь Дик многого добился

живо, но в ночь перед казнью бежал — по семейной легенде, он плыл под водой много миль подряд с тростинкой в зубах и квадратной золотой монетой на шее. Эта монета, верил Кокс, хранила от смерти и приносила невероятную удачу — не только владельцу, но любому смертному: необходимо просто потереть ее о ту золотую вещь, которая у вас есть. Правда, работала она только в одном случае: если ею владел человек по имени Джошуа или его прямой наследник. Прадед передал ее деду, дед — отцу, а отец назвал своего второго сына Ричард Джошуа — чтобы семейный тотем работал.

Позже, когда Ричард невероятно разбогател и деньги стали разъедать его семью, словно серная кислота, в городе начали поговаривать, что монета Джошуа — один из тридцати серебряников, когда-то полученных Иудой за предательство. От этой мысли у Ричарда холодело сердце.

Повезло ли ему так же, если бы монеты у него не было? Ричард не мог сказать с уверенностью. Времена были такие, что воткнутая в землю палка через год приносила пятьсот процентов дохода — как говорили в барах Уинстона, «нынче по улицам бегают жареные поросята, к хвосту у них привязан нож с вилкой, а к спине — плакат «Подходи, угощайся!» Но так, как Ричарду, везло все-таки не всем. По крайней мере перед ним был пример старшего брата — Абрам был умнее, образованнее

тами. Сигареты были новым поветрием, они явно начали вытеснять жевательный табак: стали поговаривать, что он вреден для зубов, что плевать на пол джентльмену вовсе не пристало — и хотя плевательницы по-прежнему стояли по всей стране, от сената до последнего затрапезного бара, за сигаретами видели будущее. Правда, они слишком дорого стоили — ведь скручивали их вручную. Но в 1884 году европейцы придумали автоматическую машину для набивки сигарет, и дело пошло. Большую их часть скупил «АТС», но Ричард тайно тоже приобрел такой станок — и дождался своего часа: на «American Tobacco Company» напал Антитрастовый комитет — гигант поглотил слишком много компаний, а с монополистами новое правительство поклялось бороться до конца. Компанию поделили, и Ричард немедленно выпустил в свет свое новое изобретение — сигареты с пирамидами и верблюдом на пачке.

Менее чем за год «Camel» стали самой популярной маркой в Америке. Ричард придумал гениальную рекламную кампанию. Сначала во всех американских городах появились билборды с верблюдом. Потом — с надписью «Верблюды приближаются». Потом — с объявлением «Скоро в Америке верблюдов будет больше, чем в Азии и Африке, вместе взятых». И, наконец, когда обыватели уже сходили с ума от любопытства — появились горделивые щиты с надписью «Сигареты «Camel» уже здесь!» В

них был турецкий табак — считалось, что он самый духовитый, а главное — они стоили десять центов за пачку, тогда как все остальные — пятнадцать. Конкуренты по примеру Ричарда все еще вкладывали в свои сигареты купоны на фарфор и швабры, а он уже писал на пачках: «Не ищите купоны! Мы не можем их себе позволить — зато наши сигареты дешевле всех!».

Когда в шестьдесят шесть лет у Ричарда обнаружили рак, он не почувствовал себя оглушенным. Возможно, потому, что добился большего, чем мечтал. «RJR» из крохотной фабрики превратилась во вторую по величине табачную корпорацию мира. Вереницей пачек, которые он производил в год, можно было обернуть всю Землю, дотянуться до Луны и обратно. Он стал мультимиллионером, а Уинстон — его городом: он выстроил здесь университет и больницу, провел вторую железную дорогу, спонсировал все, что только можно было, и город еще при его жизни установил ему памятник.

Со своей будущей женой Элизабет Рэйнольдс-младший познакомился на похоронах брата Смита. Она родила Дику четверых детей

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ НА ГЛАВНОМ ТЕЛЕКАНАЛЕ СТРАНЫ

ФИЛЬМ ВАЛЕРИЯ ТОДОРОВСКОГО

СТИЛЛАГИ

Лицензия № 9634. РЕКЛАМА

РОССИЯ
НОВЫЙ СЕЗОН

Певица Либби Холман — самая сексуальная женщина Америки — свела с ума Смита Рэйнольдса

Однажды Дик исчез. Его известный всему городу желтый «Роллс-Ройс» был найден под утро в Гудзонском заливе

Он поздно женился, после пятидесяти — раньше не было времени, но его женой стала прекрасная девушка по имени Катарина. Она родила ему двоих сыновей, Ричарда («Дика») Джошуа-младшего и Смита, и двух дочерей, Нэнси и Мэри. Он выстроил поместье «Рэйнолда» на тысяче акров — с японским садом, гавайскими вишнями, озером и жалел лишь о том, что не успел научить сыновей всему, чему должен их научить отец. Он был для них скорее дедушкой и попросту не знал, как обращаться с детьми. Он не успел ввести их в семейный бизнес — дети были еще слишком малы. Перед смертью он волновался только об одном: как сделать так, чтобы шальные деньги их не испортили. Старшего он назвал Ричардом Джошуа, чтобы магия монеты не пропала, и детально прописал условия вхож-

дения в наследство — чтобы его юные несмышленные дети не сошли с ума, став миллионерами еще до окончания школы.

Затем Ричард Джошуа Рэйнольдс, табачный король, скончался. Но после его смерти все пошло не так, как он мечтал.

...Их было четверо. Задиристый, своенравный Дик, стеснительный Смит, болтушка Нэнси и рассудительная Мэри. Они были молоды, и мир лежал перед ними, как открытая книга.

Они не желали никого слушать и не желали учиться: зачем, если деньги все равно почти в кармане? Отец основал специальный фонд, которым заведовали два опекуна — его младший брат Уилл и жена Катарина. Доля наследства выдавалась им постепенно: в двадцать один год каждому выделяли по два миллиона, полностью они входили в права только в двадцать семь лет. Деньгами распоряжались опекуны, но оказалось, что их можно шантажировать, можно обмануть.

Возможно, все было бы не так, если бы детьми занималась мать. Но после смерти мужа Катарина решила, что теперь настала ее пора. Она вышла замуж в восемнадцать лет, всю жизнь была занята делами Ричарда и посиделками со скучными уинстонскими кумушками. Но ведь ей всего тридцать восемь, и она не собирается засиживаться во вдовах! Через год она закрутила роман со школьным учителем, через два — вышла за него замуж. Когда же ошеломленные дети принялись третировать отца, оскорбленно съехала из поместья «Рэйнолда» в отель. Через год Катарина умерла при родах, и весь город шептался о проклятии монеты: владеть ею может только человек по имени Ричард Джошуа, всем остальным она приносит несчастья.

...Теперь на свете не осталось человека, который мог бы научить сирот уму-разуму. Зато у них были деньги, а вокруг бушевали «ревущие двадцатые»: лучшее время для тех, у кого есть миллионы и нет проблем.

Дик устроился моряком на яхту. Смит увлекся самолетами. Мэри и Нэнси спустили миллионы на платья и уроки танцев. У них была цель — выйти замуж. Для этого им необходимо хорошо выглядеть и иметь неплохое образование. Чем заняться мальчикам, оставалось неясным.

А впрочем, что тут неясного? Именно для них существует Бродвей, готовые на все хористки и закрытые клубы, где шампанское и виски наливают в чайники. «Мы пили, потому что это было запрещено, — вспоминал новый знакомец наследников Рэйнольдсов Фрэнсис Скотт Фицджеральд. — Это был наш способ отличать своих от чужих — и потому мы пили гораздо больше, чем наши отцы».

Дик был старше и начал чудить первым. Он, как и все богатые бездельники того времени, хотел стать авиатором и не просто сдал экзамен, но и получил лицензию из рук одного из братьев Райт. Потом он увлекся бизнесом — купил под Нью-Йорком аэродром, парк самолетов, маленькую авиакомпанию и следом фабрику по производству машин-амфибий (аэродромы строили далеко от городов, и до места назначения первых авиапассажиров везли на амфибиях — сначала по земле, потом по воде). Еще он приобрел компанию, разработавшую и выпускавшую гигантские репродукторы, чтобы вещать с самолетов: Дик верил, что его продукция станет прямо-таки необходимой во время войн, ну и рекламщикам тоже понравится. В один прекрасный день жители Уинстона услышали с неба: «Внимание! На город движется рой пчел-убийц! Прячьтесь!

Демобилизовавшись, Дик Рэйнольдс оставил семью и женился на актрисе по имени Марианна, с которой от скуки переписывался всю войну. Свадьба Дика и Марианны

Хлопковый барон был явно нетрезв — он пригрозил Смиту револьвером и приказал жениться

Прячьтесь!». Город охватила паника, и лишь один человек никуда не бежал — стоя посреди главной улицы, Дик Рэйнольдс заливался веселым ребяческим смехом.

Потом Дик исчез. Его видели в нью-йоркском клубе «El Mexico» в объятиях известной актрисы, но в своем номере «люкс» отеля «Maldon» он не появился. Его знаменитый желтый «Роллс-Ройс» был найден под утро в Гудзонском заливе. Две недели все газеты не переставая писали о пропавшем наследнике табачной империи. Семья наняла частных детективов и объявила награду в 3000 долларов за информацию. Он объявился в другом конце страны на финале чемпионата по

боксу и, смеясь, признался, что просто устал и хотел, чтобы его оставили в покое.

Потом он оказался в Лондоне — на скамье подсудимых: ночью мчался на своем новом «Бьюике» в пьяном виде и на смерть сбил мотоциклиста, даже не заметив этого. Суд был подарком для бульварных газет по обе стороны Атлантики: нанятые «RJR» лучшие юристы и эксперты свидетельствовали, что молодой Рэйнольдс вовсе не был пьян — его ослепили фары мотоцикла. Да, он немного выпил перед этим (тому много свидетелей), но великолепно переносит выпивку, это семейное. А то, что шатался, выйдя из машины, — это особенность его походки, вот справка. Дика осудили на пять месяцев, и он отсидел их с достоинством принца крови.

Он считал, что ему везет — возможно, из-за монеты, которая теперь всегда была при нем. А вот Смиту фартило явно меньше. Он встречался с Энн, дочкой хлопкового барона, главного производителя полотенец в Америке, — полотенца с надписью «В бога мы веруем» продавались как горячие пирожки, а когда во время Первой мировой к надписи добавили «К черту кайзера!», стали расходиться еще лучше. О женитьбе он не думал — как и Дик, Смит считал, что жениться надо как можно позже: в конце концов, отец обзавелся семьей после пятидесяти. Но хлопко-

вый барон застукал Энн с ухажером в собственном доме — оба были вусмерть пьяны и обжимались на диване в гостиной. Папаша выгасил револьвер и пригрозил: либо они немедленно поженятся, либо он прикончит подлеца на месте. Увы, Смита охомутали — поженили прямо ночью, и Дик оплакал потерю, прикончив две бутылки хорошего скотча.

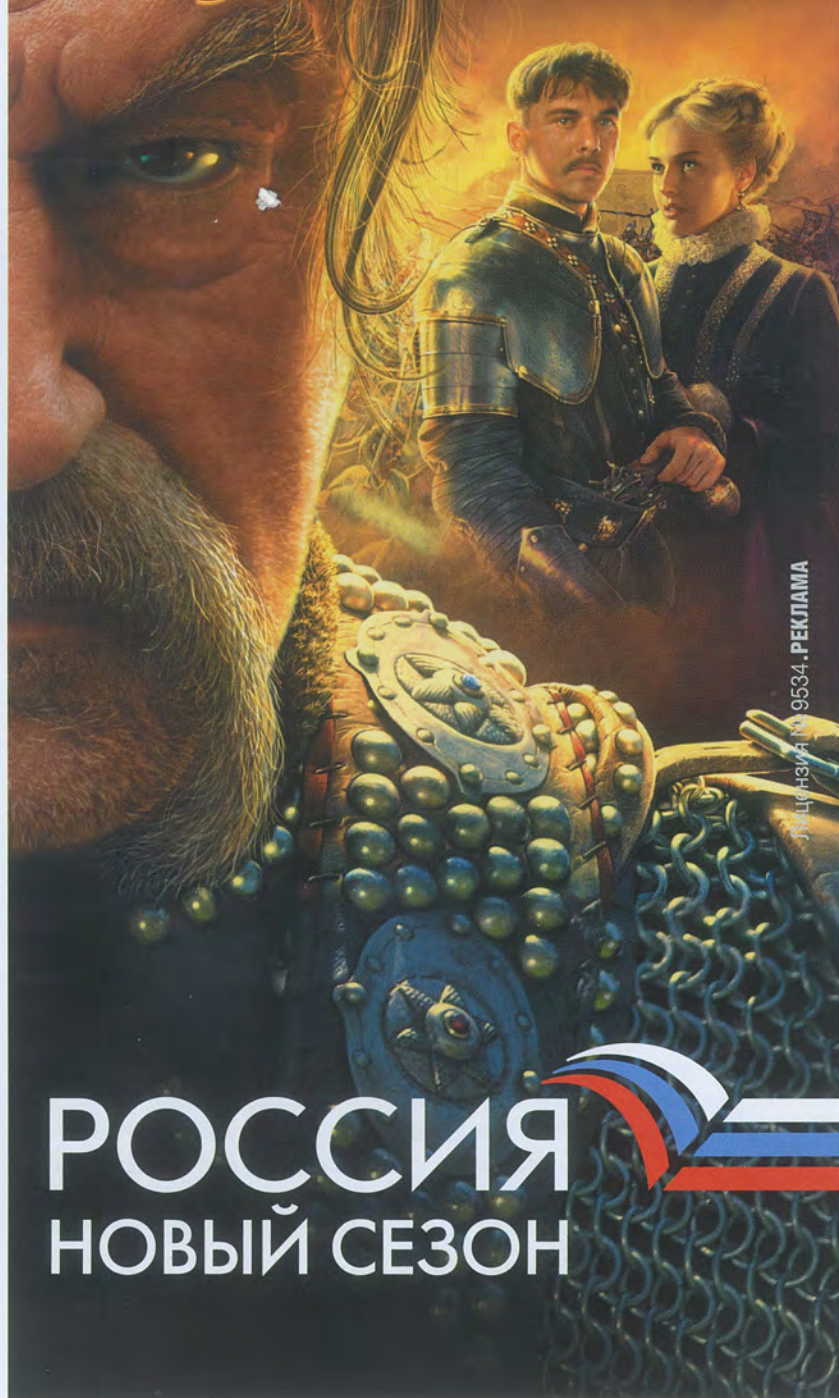
«Рэйнолда», с любовью созданное поместье, в котором должна была жить большая счастливая семья, стояло пустым. После смерти матери дети встретились тут лишь однажды: за день до свадебной церемонии Мэри, которая нашла себе подходящего жениха. Их было четверо — два взрослеющих плеябоя и две девушки на выданье, — и они впервые за долгие годы прекрасно провели время вместе: напились, посплетничали, потанцевали под граммофон, а потом взяли по корзине свежих яиц и отправились прогуляться. Они швыряли яйца куда придется — в стены, картины, люстры, окна... Последняя порция яиц досталась Мэри — одетая в нарядное платье с лифом, с уложенными к завтрашней свадьбе волосами, Мэри Рэйнольдс отрубилась раньше всех, а проснувшись, обнаружила, что покрыта слоем белков и желтков. Что ж, а для чего существуют слуги? Гости,

Когда родился Патрик, Дику уже перевалило за сорок, и сыновей он видел, увы, нечасто, так что младшенький каждый раз с нетерпением ждал, когда отец вернется из очередной поездки и что-нибудь ему привезет

PATRICK REYNOLDS COLLECTION

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ НА ГЛАВНОМ ТЕЛЕКАНАЛЕ СТРАНЫ

Фильм Владимира Бортко ТАРАС БУЛЬБА От любви до ненависти

Лицензия № 9534. РЕКЛАМА

РОССИЯ
НОВЫЙ СЕЗОН

BETTMANN/CORBIS/FOTOSARU

Никто в Уинстоне не поверил Либби, но прямых доказательств ее вины в смерти Смита не обнаружили, и дело закрыли. (На фото: Либби с матерью, братом и отцом выходят из зала суда)

Смит чуть не утопил самолет в одной из рек Индокитая, едва не отморозил ноги в полете над Гуанчжоу...

сехавшиеся к вечеру, не заметили в поместье ничего необычного, и, кажется, ни один не разглядел кусочек скорлупы в волосах невесты.

То была минута, когда все они верили в светлое будущее: Дик, возможно, станет авиамагнатом, Смит — либо лучшим на свете авиатором, либо примерным отцом, а скорее и тем, и другим, Мэри — благотворительницей и прекрасной матерью, у Нэнси тоже есть замечательные женихи... Много лет спустя они вспоминали тот дурацкий счастливый вечер — ведь их счастье длилось так недолго. Закончилось оно, когда Смита нашли на полу спальни с простреленной при загадочных обстоятельствах головой.

Во всем была виновата эта Либби, Либби Холман, в этом семья не сомневалась. Она свела его с ума — а возможно, она и убила его. В это верил брат, и верили сестры и почти что

поверили присяжные, но газетчики и зеваки, раскрыв рот, разглядывали ее декольте и слушали печальную историю покойного Закари Смита Рэйнольдса, молодого человека, которого испортили деньги.

Смит первым в семье женился и первым развелся — их с Энн ссоры уже невозможно было выносить. Это стоило ему 600 000 долларов — так Дик и Смит Рэйнольдс впервые узнали, что развод — очень затратное мероприятие. Но Смиуту было все равно, потому что он, на свою голову, влюбился в самую сексуальную женщину Америки.

Ее звали Либби, она была певицей, звездой мюзикла «Маленькое шоу», и Смит подкатился к ней обычным манером — букет, кольцо с бриллиантом, записка... Либби холодно оглядела его, кольцо вернула, и Смит был сражен: прежде магия его фамилии срабатывала без осечек. Либби стала первой актрисой, которая не позволила ему затащить себя в постель — она зарабатывала 2500 долларов в неделю и считала себя независимой. Вкупе с язвительными насмешками, которыми она осыпала Смита, этого оказалось достаточно, чтобы он — впервые в жизни — влюбился без памяти.

Окружение Либби — нью-йоркские щеголи, остроумцы-сценаристы, писатели, композиторы и богатые бездельники — относилось к Смиуту как к ходячему кошельку: он не мог поддержать светской беседы — молчал, заикался, искусство жонглировать словами никогда не было его коньком. Зато он был предан Либби, как собачка, — следовал за ней по странам и континентам,

Интерьер гостиной в поместье «Рэйнолда», остров Сапело

выискивал при помощи частных детективов в Париже, Лондоне и Майами, и та снисходительно позволяла ему составить себе компанию. Он писал ей длинные любовные письма, а она сводила его с ума — своими отказами, насмешками, своими романами — с мужчинами и, что ранило большее, с женщинами. При этом Либби держала его на коротком поводке: на дворе была Великая депрессия, количество зрителей на мюзиклах таяло, новая главная роль на горизонте пока не вырисовывалась — Смит был ее страховкой, ее гарантийным талоном. В конце концов, он молчалив, но мил, совсем неглуп и так богат... Постепенно она к нему привыкла. «Он как пустыня, из которой время от времени бьет гейзер», — говорила Либби подругам. Смит был очень настойчив, угрожал, что застрелится, если она не будет его, обещал, что станет известен на весь мир, развелся ради нее с Энн — и в конце концов она сдалась: в ноябре 1931-го они поженились. И, чтобы доказать, что он не пустышка, Смит решил на невероятный шаг — облететь вокруг Земли на самолете.

Он и вправду стал очень опытным пилотом — самолеты интересовали его куда больше, чем брата. И путешествие, ко-

торое он затеял, вовсе не было шальным капризом богача — он тщательно его спланировал и все равно несколько раз едва не погиб. Он летел над бескрайними пустынями, где пригоршня песка в моторе могла означать катастрофу, и почти касался верхушек деревьев над Бразилией, где воздушные ямы едва не положили конец его путешествию. Он облетел гигантские статуи Будды в Бирме, слушал предсказания гадалок в Индии, ужинал с махараджей Джодхпура — большим поклонником авиации, в ужасе рассматривал тунисские улицы, забитые уродливыми проститутками. Он чуть не утопил самолет в реке Индокитая, едва не отморозил ноги в полете над провинцией Гуанчжоу... Война между Китаем и Японией сорвала ему все планы: самолет сломался, в Гонконге не удалось найти запчастей — цель была так близка, а обогнуть земной шар не вышло. Но Смицу уже было наплевать на это: он пустился в путь безусым двадцатилетним сосунком, а приземлился в Гонконге настоящим мужчиной, героем. Пусть мир и не узнал о его подвигах. К тому же в Гонконг к нему приплыла Либби. Поначалу она его даже не узнала: таким счастливым и уверенным Смита она не видела

никогда. Именно эту минуту — минуту встречи на гонконгской набережной — она будет вспоминать меньше чем через год, глядя на тело мужа, лежащее в луже крови.

В поместье «Рэйнолда» была вечеринка, одна из многих: Либби и Смит развлекали гостей, все быстро напилось, Смит начал, как обычно, стрелять из маузера по подвескам громадной стеклянной люстры в гостиной... После своего незабываемого полета он пытался жить нормальной жизнью молодого миллионера, но Либби постоянно дразнила его — своими насмешками, своими романами, своими гостями, которые по-прежнему ни в грош его не ставили... Называла Смита импотентом, заигрывала с Эбом, приятелем детства Смита, — Эб работал в Уинстоне на бензоколонке. Он снова начал пить, угрожал, что покончит с собой. Под утро, когда гости заснули, а Либби вновь принялась унижать Смита, все и случилось.

Он достал пистолет, она плюнула ему в лицо, потом бросилась на него, пытаясь отвести руку в сторону, — тут и произошло непоправимое. Они с Эбом от страха наделали много глупостей — пытались замазть кровь, долго не вызывали «скорую», спрятали револьвер, что-то ввали прислуге... На суде все всплыло: те, кто был в доме, явно что-то недоговаривали. Врачи засвидетельствовали, что пистолет покойный держал на расстоянии от виска — так люди не стреляются — и в правой руке, а он был левша. Нашли и другие нестыковки, но блистательный выход Либби спас положение.

Это была ее лучшая роль: роль убитой горем супруги в невероятном декольтированном платье. Она говорила без перерыва два часа, и репортеры сточили карандаши, записывая эту речь. Она рыдала, элегантно уходила от неудобных вопросов дознавателя, показывала удачно сохранные письма, где Смит угрожал покончить с собой, намекала на его импотенцию и на то, что он был скрытым геем и имел роман с Эбом (о том, что она сама спала с другом мужа, Либби умолчала). В конце она картинно хлопнулась в обморок. Публика была в восторге!

В Уинстоне ей не поверил никто, но прямых доказательств ее вины в случившемся не обнаружили, и дело закрыли. Семья заплатила Либби приличную сумму, чтобы эта история никогда больше не всплыла, а Смита похоронили в саду поместья «Рэйнолда», под окнами спальни, где он родился. Дик прилетел

Дик выстроил для себя и жены новую усадьбу «Преданность» — она была в десять раз больше, чем «Рэйнолда»

Третья жена Дика Рэйнолдса, Мюриель, оказалась профессиональной охотницей за богатыми мужьями

Дик старел, у него была больная печень, потом начали отказывать легкие. Ему стал жизненно необходим постоянно дежурящий врач и кислородный баллон

ным из всей эскадры: остальные потопили японцы-камикадзе. Он выжил в невероятной бойне за Иводзиму. Более того — выжили все его сослуживцы и даже случайные знакомые: Дик прикладывал монету к их золотым зубам, часам и пряжкам... В конце войны он получил Бронзовую звезду за храбрость — он и вправду ничего не боялся: владелец монеты Джошуа не мог умереть раньше назначенного срока.

Но вот счастья — это он понял со временем — монета принести не умела...

Он хотел иметь семью — и встретил женщину, которая была ему под стать: они познакомились на похоронах Смита, поженились, она родила ему четверых детей, одного, как и полагалось, он назвал Ричардом Джошуа-третьим... Как и отец, Дик выстроил для себя и жены новую усадьбу — в десять раз больше поместья «Рэйнолда» — и назвал ее «Преданность», потому что любил жену и был ей невероятно предан. Но — почему, отчего? — ему вскоре стало скучно: он пошел на войну, чтобы отдохнуть от семейной жизни, а вернулся не к жене и детям, а к актрисе по имени Марианна, с которой переписывался всю войну. Когда Марианна из разбитной актрисы превратилась в мамашу с двумя детьми, Дик снова заскучал и... снова развелся.

Третья жена, Мюриель, оказалась профессиональной охотницей за богатыми мужьями. Для нее он купил целый остров у обанкротившегося автомобильного магната (тот через год застрелился) и выстроил на нем свое королевство. Даже пруд он сделал в виде земного шара — потому что Дик Рэйнольдс верил, что может завладеть всем на этом свете. Вот только хватка его слабела год от года...

Он становился болезненно подозрительным; дивиденды предпочитал получать золотом и закапывал их в десяткики-

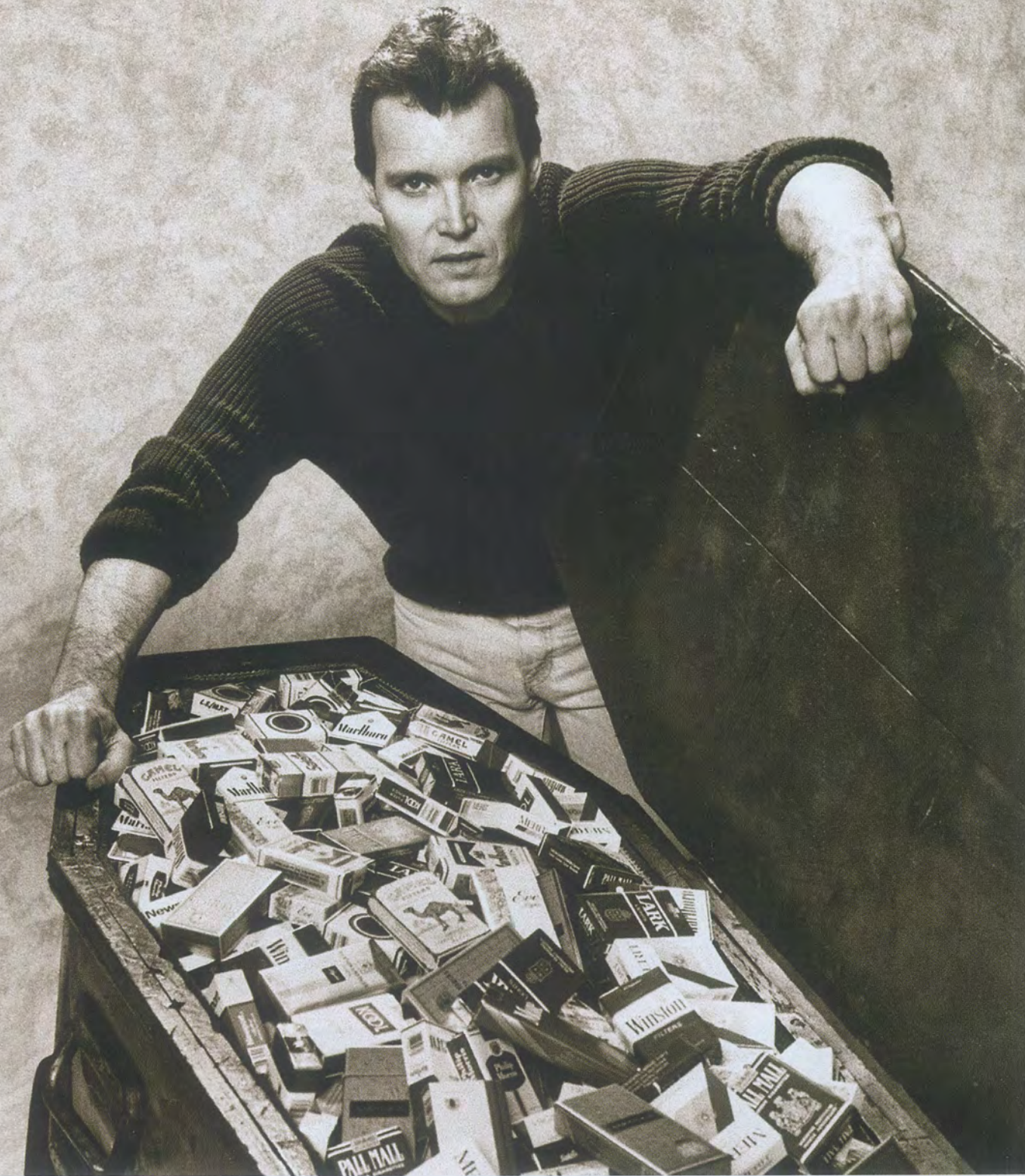
Разводы стоили дорого. Целые армии адвокатов кормились вокруг Дика Рэйнольдса, он ходил в суд, как к себе домой

из Тринидада, где, по собственным словам, лечился от белой горячки, и на похоронах впервые в жизни рыдал как младенец: он клял себя за то, что не отдал монету непутевому младшему брату — она наверняка спасла бы его от смерти.

В ее силу он верил больше, чем в святое причастие: монета спасала от внезапной гибели и обеспечивала безбедное существование. Все прожекты, которыми занимался Дик, проваливались. Он вложился в мюзикл — тот закрылся после трех представлений. Купил авиалинию — самолет с пассажирами упал в океан, а семьи погибших требовали многомиллионных отступных. В пароходном бизнесе его вытеснили китайцы, но состояние Дика только росло: деньги приносили акции «RJR», которым оказалась не страшна даже Великая депрессия.

Во время Второй мировой он от скуки завербовался лейтенантом на боевое судно — и оно спаслось чуть ли не единствен-

нограммовых мешках на острове, в местах, помеченных на секретной карте. Он колесил с женой по маршруту Нью-Йорк — Париж — Майами — Ямайка, все больше пил, да так, что падал прямо на светских приемах, пытался бить жену, она била его... Он старел, у него была больная печень, потом начали отказывать легкие — стал необходим постоянно дежуривший врач и баллон кислорода. Жена оказалась ему под стать: увлекалась вуду и черной магией, жгла на поляне перед домом какие-то травы, развеивала над океаном странный черный порошок... Когда в «RJR» изменили дизайн сигарет «Camel», Мюриель закатила ему истерику — она визжала, что пирамиды на пачке теперь выглядят иначе, а это дурной знак — можно потревожить фараонов, и заставила мужа продать весь пакет акций компании, чтобы не навлечь на себя проклятие мира мертвых. Со временем Дик начал думать, что она просто хочет сжечь его

Свой способ борьбы с семейным проклятием изобрел Патрик: он бросил мечты о режиссуре, основал Фонд за некурящую Америку и стал самым известным в стране борцом с курением

со света: однажды он чуть не умер — ему запретили соленое, а служанка накормила его нестерпимо соленой похлебкой, сказав, что так велела Мюриель. Тогда он развелся.

Каждый развод стоил ему больше предыдущего: целые армии адвокатов кормились вокруг Дика Рэйнольдса, он ходил в суд, как к себе домой, а оскорбленные жены по очереди пытались отсудить лишний кусок, хотя он, видит бог, был щедр с ними: Марианне, например, выплатил девять миллионов, на тот момент самую большую сумму в истории бракоразводных процессов. С детьми предпочитал переписываться, ино-

гда звонил, иногда — присылал подарки, чаще — проклятия. Однажды, когда Мюриель уехала к родственникам в Чикаго, Дик нашел в себе силы вылезти из инвалидного кресла, доковылял вместе с кислородным баллоном до джипа, приехал на самый дальний пляж острова Сапело и долго-долго всматривался в океанские волны. Поминутно дыша кислородом, он давал себе и Богу честный отчет: все его начинания рухнули. В детстве он мечтал быть журналистом, издавал с братом газету — ничего из этого не вышло. Пробовал себя в роли владельца авиакомпании, пароходного магната, моряка, лет-

чика, фабриканта — но всюду ему не хватало то ли терпения, то ли удачи, то ли упрямства. Он пытался заниматься политикой, его дружбы искали президенты, а сам он с похмелья однажды послал к черту президента Трумэна, зная, что деньги Дика Рэйнольдса важнее вежливости, — но и тут ничего не добился: высшим его достижением был пост мэра Уинстона, который ему быстро наскучил. Дик подумал о детях, окинул мысленным взором свою бурную, нелепую жизнь, достал из бардачка бутылку давно запрещенного виски, отхлебнул и затем сорвал с груди квадратную монету с рубленным профилем. Размахнувшись, он бросил ее далеко в океан. А после, не сходя с места, принялся переписывать завещание....

...Женитьба пятидесятичетырехлетнего миллионера на тридцатилетней даме, знакомой директора швейцарской клиники, где он лечился, и даже его скоропостижная смерть не наделали в рядах семейства Рэйнольдс столько шума, сколько его завещание, по которому миллионы уходили последней жене и Фонду защиты флоры и фауны острова Сапело. Десять долгих лет не примирили родственников: жены и дети пытались оспорить завещание, они нанимали частных детективов и специалистов-графологов, в семье ходили самые невероятные гипотезы — Дика обманули, никакой свадьбы на самом деле не было, ребенок от Шмидт — не его, его отравили, завещание написано под действием психотропных препаратов или вообще не им, а родным дядей Анне-Мари, который подделывал документы еще нацистам... На почве борьбы с коварной Шмидт объединились даже Марианна и Мюриель, вторая и третья жены Дика, прежде люто ненавидевшие друг друга. Они сдру-

Дик подумал о детях, окинул мысленным взором свою нелепую жизнь и сорвал с груди квадратную монету

жились настолько, что в конце концов Мюриель отписала в завещании почти все свои деньги Марианне. Кто-то предлагал эксгумировать тело, кто-то — начать новое расследование... Казалось, этому не будет конца.

Дик умер, не узнав, что обе его родные сестры умрут от рака и алкоголизма, что сын Зак сядет за штурвал самолета и при загадочных обстоятельствах разобьется. Злоключения остальных детей также остались для него тайной — иначе он решил бы, что проклятие монеты продолжает действовать, а значит, — все напрасно. Зато свой способ борьбы с семейным проклятием изобрел Патрик: он оставил мечты о режиссуре, основал Фонд за некурящую Америку и стал самым известным в стране борцом с курением — лектором, пропагандистом, автором бесконечных книг и видеотренингов.

Каждый вечер, приходя домой, он видел, как со старинного портрета на стене то ли кривится, то ли усмехается серьезный бородатый человек в сюртуке — его дед, с которого началось богатство семьи Рэйнольдс. Но странное дело — эта усмешка не пугала Патрика, а успокаивала: он думал о том, какие причудливые фортели может выкинуть судьба, и чувствовал себя свободным, спокойным и удивительно счастливым.

Карвин Вуд

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ НА ГЛАВНОМ ТЕЛЕКАНАЛЕ СТРАНЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ
ФЕДОРА БОНДАРЧУКА
ПО ЗНАМЕНИТОМУ РОМАНУ
БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

ОБЫТРАЕМЫЙ ОСТРОВ

РОССИЯ
НОВЫЙ СЕЗОН